

МЕТАФИЗИКА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В РАБОТЕ В. А. СНЕГИРЕВА «СПИРИТИЗМ КАК ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНАЯ ДОКТРИНА»

METAPHYSICS OF ANTHROPOLOGICAL CONCEPT IN WORK B.SNEGIREV «SPIRITISM AS A PHILOSOPHICAL-RELIGIOUS DOCTRINE»

V. Bondarenko

Summary. With this work, we propose to begin a series of publications devoted to the analysis by the teachings of the outstanding domestic philosopher-theist, theologian and psychologist B. Snegireva on the inner world of man, set forth in his fundamental work «Spiritualism as a Religious and Philosophical Doctrine». From our point of view, the scientific legacy of B. Snegireva remains poorly developed and underestimated from the point of view of his personal contribution to the national tradition of religious philosophy in general and the tradition of Kazan academic theism in particular. The article reflects the most general approaches of the philosopher-theist to the evaluation of a religious phenomenon claiming the status of a new scientific tradition, making an attempt to theoretically and practically substantiate its subject, method, and the necessary conclusions. Snegirev traced historical and religious-philosophical aspects, reflecting the development of materialism and idealism as metaphysical systems and given their comparative evaluation in relation to scientism. The preconditions determining the dynamics of development of social and individual consciousness are singled out, the religious nature of epistemological needs of the human spirit is revealed. The article shows that Snegirev implicitly defends the metaphysical nature of man and the substantial idea of the human soul as an indivisible free creative essence, striving for its original source. The philosopher-theist examines the phenomenon associated with the epistemological turn in relation to the individual to the absolute, connected with the secularization of consciousness. Thus secular processes in the society according to Snegirev signify to a greater extent the development of anticlerical and counter-scientific tendencies, rather than the loss of the religious need as such.

The purpose of this study is to reveal the philosophical and anthropological aspects of the teachings of B. Snegirev about the inner world of man in the context of religious studies, discussed in his work, devoted to the theory and practice of spiritualism as a new religious movement of the XIX century.

The choice of this material is due to the fact that in the process of analyzing the phenomenon of spiritualism, the philosopher is able to uncover the universal laws of the inner life of man, which in their

Бондаренко Виктория Викторовна

К.м.н., доцент, с.н.с.,

Дальневосточный федеральный университет

bondarenko.vv@dvfu.ru

Аннотация. Данной работой мы предполагаем начать серию публикаций, посвященных анализу учения выдающегося отечественного философа-теиста, богослова и психолога В. А. Снегирева о внутреннем мире человека, изложенного в его фундаментальном труде «Спиритизм как религиозно-философская доктрина». С нашей точки зрения научное наследие В.А. Снегирева остается малоизученным и недооценено с точки зрения его личного вклада в отечественную традицию религиозной философии вообще и традицию казанского академического теизма в частности. В статье отражены наиболее общие подходы философа-теиста к оценке религиозного феномена, претендующего на статус новой научной традиции, делающей попытку теоретически и практически обосновать свой предмет, метод, а также необходимые выводы. Снегиревым прослежены исторические и религиозно-философские аспекты, отражающие развитие материализма и идеализма как метафизических систем и дана их сравнительная оценка в отношении к сциентизму. Выделены предпосылки, определяющие динамику развития общественного и индивидуального сознания, раскрыта религиозная природа гносеологических потребностей человеческого духа. В статье показано, что Снегиревым имплицитно отстаивается метафизическая природа человека и субстанциональное представление о человеческой душе как неразложимой свободной творческой сущности, стремящейся к своему первоисточнику. Философ-теист исследует феномен, связанный с гносеологическим поворотом в отношении человека к абсолютному, связанный с секуляризацией сознания. Таким образом секулярные процессы в обществе по Снегиреву знаменуют собой в большей степени развитие антиклерикальных и контрсциентистских тенденций, нежели утрату религиозной потребности как таковой.

Целью настоящего исследования является раскрытие философско-антропологических аспектов учения В. А. Снегирева о внутреннем мире человека в контексте религиозоведческой проблематики, затронутой в его работе, посвященной теории и практике спиритизма как нового религиозного движения XIX столетия.

Выбор данного материала связан с тем, что в процессе анализа феномена спиритизма философу — теисту удается раскрыть универсальные закономерности внутренней жизни человека, которые во всей полноте проявляются именно через религиозные переживания. В этом смысле спиритизм как синкретическое учение, имеющее свою собственную историю, представляющее феномен своего рода «духовного эксперимента», с нашей точки зрения имеет определенную научную значимость и для традиции академической православной философии.

В данной статье впервые в современную эпоху сделана попытка провести систематическое исследование работы Снегирева о спиритизме как рели-

entirely manifest themselves precisely through religious experiences. In this sense, spiritualism as a syncretic doctrine, having its own history, representing the phenomenon of a kind of «spiritual experiment» from our point of view, has a certain scientific significance for the tradition of academic Orthodox philosophy.

In this article, for the first time in the modern era, an attempt is made to conduct a systematic study of Snegirev's work on spiritualism as a religious-philosophical doctrine using comparative analysis, methodological synthesis, contextual, deductive and historical-theoretical methods.

Keywords: spiritism, mysticism, materialism, religion, philosophy, theism, man, spirit.

Введение

Вениамин Алексеевич Снегирев (1841–1889) — один из наиболее ярких представителей казанской школы академического теизма главным образом востребован современными исследователями в области психологии [1; 4; 10; 11]. Притом, отдавая дань уважения глубине и многообразию научных интересов профессора-теиста, исследователи, как правило, оставляют без внимания, с нашей точки зрения, наиболее важный аспект внутреннего мира человека, а именно — религиозный [12].

Разработка антропологической проблематики у В.А. Снегирева опирается на исследования психики человека — той эмпирической конкретики душевной жизни, где проявляются личностные по своему существу антропологические характеристики, они трактуются философом-теистом гораздо шире, нежели просто индивидуальные. Личностное измерение создает необходимые внеэмпирические предпосылки для того, чтобы с полным основанием можно было ставить и решать вопрос о возможности создания истинной метафизики, а именно положительной метафизики человека [9, с. 33, 48–49]. Начало этой серьезной работы было положено Снегиревым — теологом в его докторской диссертации по теме: «Учение о лице Господа нашего Иисуса Христа в трех первых веках христианства (Казань, 1870) [7, с. 9]. Таким образом, именно в этом капитальном богословском сочинении представлены базовые составляющие антропологического концепта, которому Снегирев — метафизик остается верен на протяжении всей своей научной и преподавательской деятельности. Вопрос о метафизическом содержании антропологического концепта исчерпывающе разрешается через христианское откровение о Богочеловеке, которое будучи воспринято не только умозрительно, но во всей полноте как категорический

гиозно-философской доктрине с использованием сравнительного анализа, методологического синтеза, контекстного, дедуктивного и историко-теоретического методов.

Ключевые слова: спиритизм, мистицизм, материализм, религия, философия, теизм, человек, дух.

императив, предопределило методологию и направленность антропологических исследований, более того, весь строй жизни В.А. Снегирева — христианского ученого-подвижника.

С 1868 г. В.А. Снегирев, будучи назначен бакалавром по кафедре психологии и логики Казанской духовной академии, начинает чтение лекционных курсов в том числе и по метафизике. А с 1871 г. получает приглашение преподавать психологию и логику в Казанском университете; эта работа продолжается Снегиревым непрерывно по 1886 год [7, с. 8]. Уже после смерти философа-теиста, последовавшей в 1889 г., трудами его брата — Александра Снегирева в 1893 г. издается лекционный академический курс, прочитанный В.А. Снегиревым в период 1884/1885–1888/1889 гг. [7]. Это издание предваряют обширные выдержки из статьи Виктора Ивановича Несмелова (1863–1937), опубликованной в журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник» за 1889 г. и посвященной памяти учителя. Здесь выдающийся представитель философской теистической школы указывает на характерные черты психологической концепции Снегирева: во-первых, «научный» характер его подхода к явлениям душевной жизни; во-вторых, тот факт, что «во всех душевных явлениях он видел одну и ту же действующую личность, вместе — мыслящую, чувствующую и волящую, словом — живую человеческую личность, как она действительно существует и непосредственно каждым сознается и познается»; иными словами, «его психология по преимуществу была психологией живой личности» [цит. по 13, с. 39].

Как важный шаг в разработке антропологического наследия казанского метафизика среди современных исследователей следует особо выделить работу И.П. Печеранского «Единство религиозной веры и положительного знания в «Психологии живой личности» В. Снеги-

рева». Автор, в частности, акцентирует свое внимание на том, что «психология живой личности» В.А. Снегирева как представителя православно-академического теизма XIX в. является «самобытной и интересной попыткой создания синтетического варианта психологической науки» на началах теизма «путем объединения спиритуалистического и эмпирического (психофизиологии) подходов» [6, с. 99].

Спиритизм как позитивная метафизика: предпосылки, история вопроса

По поводу работы В.А. Снегирева «Спиритизм как философско-религиозная доктрина», опубликованной в журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник» за 1871 год, В.И. Несмелов в упомянутом выше пространном критическом очерке в частности указывает, что кроме капитальной богословской диссертации данное исследование спиритизма по сути единственный законченный философский труд, оставленный профессором В.А. Снегиревым. В нем живо отражен весь личностный опыт автора, включая последовательные ступени творческого роста мыслителя-философа в поисках истины, начиная от богословия и заканчивая метафизикой [5, с. 131]. Следом за маститым комментатором мы имеем все основания засвидетельствовать, что трактат В.А. Снегирева, оказавшись весьма своевременным, вплоть до настоящего времени, отмеченного продолжающимся ростом харизматического движения, не утратил своего действительного значения [2; 3]. С нашей точки зрения, справедливость строк, начертанных профессором-теистом, подтверждена всем ходом истории общественной жизни в России и за ее пределами в прошлом и настоящем: «Спиритизм,— как писал Вениамин Алексеевич в предисловии к своему трактату,— правда, ослабел теперь, но не умер и, может быть, даст снова и весьма сильно почувствовать свое существование, особенно у нас, где он доселе не сделал еще серьезной попытки прорваться и пустить корни» [8, с. 16].

Указывая на широкий контент современной ему противоспиритской литературы, В.А. Снегирев отмечает его очевидную поверхностность, в свою очередь предполагая, что в исторической ретроспективе представляется возможность наиболее полно по сравнению с другими критическими исследованиями изложить предпосылки и содержание самой доктрины, охарактеризовать спиритизм как целостное явление в органической взаимосвязи с интеллектуальной и религиозной жизнью современного общества, с тем, чтобы «показать его истинный жизненный смысл, значение и место в истории» [8, с. 14].

Как любая религиозно-философская система спиритизм обещает установление нового строя личной и обще-

ственной жизни, когда все сомнения и произвол в столь важной и значительной сфере как религиозная жизнь будут упразднены таким образом, что предметы веры — истины религии станут предметами положительного знания. Таким образом, согласно идеологии спиритизма, уже довольно скоро метафизическое учение о Боге и духе человеческом должен заменить унифицированный свод правил по общению с миром духовным [8, с. 12].

В.А. Снегирев формулирует собственную точку зрения в том смысле, что спиритизм, представляет собой по существу мистику XIX века, мимикрирующую под характер эмпирической науки, «созданием которой этот век гордится и на которую хочет возложить все свое упование» [8, с. 15]. Отсюда автором формулируется и цель собственного новейшего исследования: сопоставить спиритизм с известными в истории однородными ему явлениями духовной жизни, указать причины, определившие своеобразие этой формы мистики, показать научную несостоятельность основ и частных положений его доктрины [8, с. 15].

В смысле своего наполнения феномен спиритизма, свидетельствуя сам по себе о реальности потустороннего мира, содержательно беден. Говоря о разочаровании части последователей спиритизма, Снегирев выражает общую точку зрения: «В самом деле, духи не сказали и не открыли ничего такого, что и без них не было бы известно и выдумано живыми людьми...» [8, с. 14]. Значимость спиритизма определена Снегиревым как исследователем беспристрастно и предельно сжато: «...Спиритизм есть просто патологическое явление умственно-религиозной жизни нового времени ...» [8, с. 14]. Остановившись на концептуальных истоках этого синкретического метафизического учения, по мнению исследователя уже обнажившего свою внутреннюю несостоятельность, В.А. Снегирев упоминает деизм эпохи Просвещения, точнее его «остатки», масонство, новейший религиозный рационализм, бессодержательный в смысле рецепции христианской догматики, эволюционизм вкупе со шведенборгианством, немецкой мистикой и месмеризмом [8, с. 14–15]. Этот короткий посыл чрезвычайно важен для нас, поскольку дает возможность систематизировать и обобщить всю логику развития спиритизма по преимуществу как мистики перевоплощения, новейшей религиозности, отвергнувшей священническую сутану и облекшейся в мантию ученого [9, с. 138, 495].

Кратко характеризуя историю данного религиозно-феномена, В.А. Снегирев рассматривает следующие общественные предпосылки, связанные с зарождением и стремительным распространением идеологии и практики спиритизма: 1) духовный кризис, ознаменованный победой метафизики материализма и скепсисом позитивизма, 2) отсутствие серьезной научной традиции, 3) во-

инструментальный антиклерикализм, 4) использование новых пропагандистских подходов, а именно энтузиазм и пафос универсализма, характеризующие новое религиозно-философское учение, его чрезвычайная общедоступность и наглядность [8, с. 12–13].

На своей родине — в Соединенных Штатах Америки — спиритизм начинается в первой четверти XIX века с практики вызывания и допрашивания духов как широкое общественное движение и опирается на средний класс, так называемых обывателей, традиционно исповедующих протестантизм. В смысле объяснения вышеуказанной практики и, далее, как развитая религиозно-философская система свое доктринальное и мировоззренческое обоснование спиритизм получает несколько позднее и в этом смысле связан с околонуточными спекуляциями так называемых исследователей отдельных аспектов физиологии человека. Итак, распространяясь с Североамериканского континента в Европу и далее в Россию, спиритская идеология в качестве питательной среды находит для себя преимущественно высшие слои общества — аристократию. На следующем этапе к этому движению примыкает и интеллигенция, в том числе научная.

Имплицитно полагая религиозную потребность в качестве базовой антропологической характеристики, профессор Снегирев переходит к рассмотрению сущности спиритизма. Наиболее важным по мнению исследователя представляется тот факт, что спиритизм — не единичное историческое явление, а факт всегда и повсюду повторяющееся, противоположное традиции рационализма направление мыслительной деятельности человека, а именно — мистицизм, для которого наиболее свойственна уверенность в бытии сверхчувственного мира [8, с. 17]. Осознание своей слабости и ограниченности, по Снегиреву, необходимо приводит человека как религиозное существо к признанию бытия непостижимого Творца. Одновременно качественной характеристикой человека является признание своей собственной исключительности по сравнению с другими явлениями чувственного мира. Эта исключительность сопряжена с непосредственным знанием, которое не могут поколебать никакие силлогизмы. Однако мистицизм как традиция и как свойство человеческой природы не есть исключительно рассудочное знание, и не может быть сведено только лишь к некоей констатации отвлеченного факта. Данное знание в силу своей религиозной природы таково, что призвано оказывать влияние на весь жизненный строй человека и общественный уклад. По мнению Снегирева, мистицизм на индивидуальном уровне представляет не просто веру в духовную реальность, но чувство, следовательно, переживание и одновременно потребность глубокой связи с этой реальностью, связи жизненной, подразумевающей возможность взаимного общения и влияния [8, с. 17]. Несмотря на то, что духовный мир

ускользает от чувственного восприятия, мистическая потребность такова, что побуждает человека примкнуть к основе всего сущего с тем, чтобы «обогатиться его силой» — «перейти при жизни в свою родную область, в свое отечество», т.е. в мир духов [8, с. 18]. Как мы видим, для раскрытия мистической природы спиритизма философ-теист использует универсальные апологетические подходы, связанные в целом с развитой методологией академического теизма, опирается на святоотеческое представление о религии как таковой и ее сущностных характеристиках, субъективных и объективных предположениях.

Мистицизм и рационализм в контексте индивидуальных потребностей жизни духа

Характеризуя в общем смысле спиритизм главным образом как мистическое движение — как церковь, далее Снегирев переходит к рассмотрению предпосылок внутренних, личностных, связанных с испорченным и ограниченным разумом, в силу которых и был сформирован широкий общественный запрос на появление этой новейшей формы религиозности именно в эпоху всеобщей секуляризации и абсолютизации эмпирии [9, с. 132–133, 139–140]. Снегирев указывает, что окружающий человека чувственный мир безусловно таинственен. Пользуясь своим разумом человек постепенно вытесняет сферу непознанного, расширяя ту область, в которой, как ему может казаться, действуют исключительно безличные силы природы, доступные человеку посредственно или непосредственно. Такие свойства духовно-нравственной природы человека как гордость и самомнение обычно приводят к иллюзии, что для человеческого разума нет ничего тайного, ничего, что нельзя было бы объяснить, доверяя исключительно только органам своих чувств. В этом случае «человек восторгается своими относительно ничтожными успехами», подвергая забвению бесконечную область непознанного и не обращая внимания на массу даже естественных обстоятельств, которые он не в силах понять или преодолеть когда-либо [8, с. 18]. Итак, веру во всемогущество разума философ сопрягает исключительно с ограниченностью, которая еще себя не осознала хотя бы отчасти. Эта вера совершенно безосновательна, а потому представляет иллюзию, которая может быть легко разрушена, если только человек сам этого захочет. С высоты своего любомудрия Снегирев полагает, что каждый может представить и понять, что несмотря на всю возможную обширность познания о вселенной, неизменно останутся непостижимыми, таинственными самые последние начала основы мировой и человеческой жизни. С другой стороны, никогда, еще и еще раз подчеркивает исследователь, невозможно будет доказать, что нет ничего сверхчувственного. Снегирев глубоко убежден, что в отличие от рациональной веры ми-

стическое представление в своей основе не может быть подорвано, потому что для этого необходимо «перестать быть человеком», обрести всеведение [8, с. 19]. Таким образом, философ-теист, не отвергая ни одну из крайних и как кажется противоположных установок, примиряет их, задавая должную иерархию понятий и строя внутренней жизни человека, которая с его точки зрения должна быть с необходимостью подчинена абсолютному личному духовно-нравственному началу [9, с. 48–49]. И так, парадоксальным образом познавательные горизонты расширяются до бесконечности только при одном единственном условии свободного самоограничения, сопряженным с этическими религиозными представлениями христианства, а именно добродетелью смирения. Этим пафосом господства духовного начала по сравнению с материальным пронизано все научно-философское наследие профессора Снегирева. Его научный метод в философии, связанный с кропотливой рассудочной аргументацией, призван со всей очевидностью донести до современника тот неочевидный для многих факт, что успех или неуспех в поисках истины нравственно обусловлен, уже predetermined базовой мировоззренческой установкой, а все возможные эмпирические данные или логические приемы конечно могут и должны быть использованы как рабочий инструмент, но по существу на исход дела не влияют. Любой антропологический акт, и прежде всего гносеологический метафизичен в своем основании, поскольку есть акт религиозный — свободного духовно-нравственного выбора. В этом по — нашему и состоит не столько теоретическая, в большей степени практическая значимость работ профессора Снегирева, обращенных к живой личности, позволяющих каждому, всмотревшись в них как в зеркало, увидеть и постараться исправить собственное несовершенство.

В широком смысле мистическое понимание В.А. Снегирев трактует как первоначальное, основное, непоколебимое и неуничтожимое направление познающего человеческого духа. Рационализм, напротив, есть производное, вторичное направление, непрочное и временное по своей природе [8, с. 19]. По Снегиреву мистицизм и рационализм одинаково характеризуют природу человека, являясь всегда и всюду необходимыми направлениями его интеллектуальной деятельности; любой человек рационалист и мистик одновременно [8, с. 18]. При том, что эти природные качества как любые другие на индивидуальном и общественном уровне получают конкретное выражение в форме религиозности или эмпирии, церковной традиции или науки. «Целостное разумное мирозерцание, — отмечает философ-теист, — всегда должно быть органическим единством обоих направлений в законных пределах того и другого, должно объединять в себе непознаваемое и познаваемое, бесконечное и конечное, временное и вечное, таинственное и понятное, должно быть единством положительного знания и веры,

единством эмпирической науки и откровенной религии» [Снегирев, с. 20]. В этом смысле Снегирев в своем творчестве предельно ясно и высоко формулирует миссию философской традиции, ее основную задачу как решение проблемы единства веры и знания, науки и религии [9, с. 145]. Более того, «только философия, в той или другой мере, осуществляющая это единство, есть истинная философия и заслуживает свое название» [8, с. 20]. Исследователь указывает на законные и вполне достаточные условия удовлетворения высших потребностей человеческого духа, выражающихся в стремлении к познанию. Для мистического направления это откровенная религия, представляющая в своей основе свободный межличностный союз. Рационалистическое направление может быть связано только с наукой, которая осознавая свои собственные пределы, обращается исключительно к эмпирическим фактам, абсолютно несомненным. Соблюдение этих условий — залог целостности жизни человеческого духа, реализующего свои познавательные потребности. [8, с. 20; 9, с. 47, 502].

Мистицизм и рационализм в контексте общественных духовных потребностей

Снегирев подчеркивает, что на индивидуальном уровне это равновесие хотя естественных, но отчасти, в силу испорченности человеческой природы, противоположных стремлений человеческого духа нередко достижимо с большим или меньшим успехом, тогда как в истории мысли мистицизм и рационализм как идеологемы всегда актуализируют проблему выбора, выражают противоборствующие позиции. Причем, как правило, положенные пределы сознательно нарушаются и развиваясь, мистицизм — вне откровения, рационализм — вне науки, совершенно расходятся, теряя всякую почву, приобретая в истории бесконечно разнообразные, иногда неуловимые для наблюдателей формы. Той точкой, где они вновь пересекаются, становится скептицизм и религиозный индифферентизм. Проследившая развитие этих направлений познавательной деятельности человека от истории Ветхого Завета до современности, Снегирев актуализирует особую значимость представления о душе, характеризуя его как неразложимую, непосредственную истину, которая лежит в основе всякого знания и служит основой всякого доказательства. Это знание следует не как вывод, а как непосредственное созерцание, «непобедимое чувство», «как принуждение», подобно тому как опыт субъективных переживаний подтверждает очевидность существования материального мира. У народов, лишенных религиозного откровения представление о душе, являющееся отправным моментом развития мистики, пронизывает картину языческого мира во всем его многообразии, порождая целые классы личностных феноменов, одухотворяющих предметную реальность [8, с. 23].

На этом этапе Снегирев выделяет и характеризует антропологическую, демонологическую и теологическую формы мистицизма, а вместе с ними некромантию, магию и теургию как особые виды духовных практик [8, с. 23–24]. Таким образом последовательно проследив историю развития человеческого духа, философ-теист приходит к выводу о том, что только откровенная христианская религия как обличение вещей невидимых дает действительные и необходимые представления о духовном и материальном, полностью удовлетворяя интеллектуальные потребности и полагая строго определенный предел мистицизму [8, с. 29]. При этом очевидно таинственное, мистическое, данное уже как откровение должно оставаться неизменным основанием разума. Между тем как наука постепенно совершенствуется, человеческий разум в каждую из эпох христианства призван с необходимостью усвоить это приращение эмпирических знаний. Следовательно, делает вывод исследователь, каждая эпоха христианского мира должна иметь свое «христианско-научное», «откровенно-философское» мировоззрение. Создание такой христианской философии — закономерный итог интеллектуальной деятельности человечества на разных этапах истории.

В качестве образца подобного синтеза веры и знания Снегирев приводит опыт отцов и учителей церкви, которыми сумма известных на то время (IV в.) рациональных знаний, была поставлена в гармонию с истинами веры, несомненно данными в откровении. В целом, по мнению исследователя, это и есть образец истинной философии, хотя недостатки и ошибки науки того времени безусловно предопределили временность этих построений [8, с. 30].

Черпая наглядные примеры из истории Средних веков, Снегирев иллюстрирует, как отклонения от богооткровенной истины, связанные с появлением ересей и разделением церквей, порождают огромный пласт феноменов церковного и внецерковного мистицизма, создают почву для расцвета старых и новых лжеучений и практик. В качестве главных моментов внутренней жизни западной церкви в этот период исследователем отмечены постоянное уклонение в схоластический рационализм, крайние формы мистицизма, а также инквизиция, призванная насильственным образом их объединить. С его точки зрения апофеоз западноевропейского мистицизма связан с эпохой Возрождения (XV - XVI в.в.), но уже XVII в., в основание которого положена новая астрономическая система мира — гелиоцентрическая ознаменован торжеством рационализма [8, с. 32–33]. Характеризуя эпоху Просвещения с точки зрения религиозно-философских оснований истории, Снегирев указывает на противоборствующие силы, а именно, деизм как основную форму рационализма Нового времени, постепенно выражающуюся в чистейший материализм и атеизм, а также мистицизм в его уже достаточно устаревших формах,

таких как идеализм (Беркли, Малекранш), теософия (Яков Бэм, 1624), алхимия (Сен-Жермен, 1770), теургия и психомантия (Калиостро, 1795, Сведенборг, 1772) [8, с. 40]. Таким образом исследователь подтверждает справедливость выявленной им исторической закономерности, связанной с чередующимся преобладанием рационалистических и мистических устремлений в духовной жизни общества. По Снегиреву той точкой, где по необходимости должны сойтись эти явления, описываемые зачастую как противоположные, но на самом деле объединенные общим началом, одной производной, становится рубеж XVIII — XIX столетий, когда окончательно складывается самосознание человека эпохи Нового времени, требующее иной по форме и содержанию мистики. Пожалуй, что именно этот период заслуживает наибольшего внимания в смысле возможности проследить трансформацию духовного начала, а вместе с ним и гносеологических установок, которые по существу действительно знаменуют собой смену религиозной эры.

Заброшенность и оставленность — вот типические качества, которые по Снегиреву наиболее сжато выражают самоощущение человека, оказавшегося на краю бесконечности, наполненной безличными самодвижущимися космическими телами. Характеризуя самосознание человека Нового времени, Снегирев отмечает его гипертрофированную потребность вполне доверять исключительно тому, что доступно непосредственному опыту. Для человека, утратившего Бога, а вместе с ним и самого себя, вера в сверхъестественное озарение уже не актуальна, откровение сверхчувственного и таинственного должно быть по необходимости доступно каждому сообразно законам природы [8, с. 40].

Заключение

Таким образом фундаментальный труд В. А. Снегирева, посвященный феномену спиритизма, раскрывает закономерности становления и развития новых форм религиозной жизни, знаменующих смену исторических эпох и связанных с коренным гносеологическим поворотом в отношении к сверхчувственному бытию на уровне общественного сознания. Одновременно в своей работе автор акцентирует внимание на внутреннем мире человека как существа метафизического, руководствующегося во всех своих проявлениях по преимуществу универсальными духовными потребностями. В этом смысле исследователь И. В. Цвык указывает на новейшие в XIX столетии теоретические интерпретации религиозного сознания, а именно психолого-антропологические, присущие «Киевскому и Казанскому академическому философствованию», наряду с логико-рационалистическими, представленными в учениях профессоров Московской и Петербургской академических школ [14, с. 131]. По ее мнению, преодолев спиритуализм, отчасти харак-

терный для киевских Любомудров, Снегирев свои философские идеи развивает «в русле т.н. «психологического идеализма» [14, с. 129]. Именно с научной и преподавательской деятельности профессора Снегирева берет свое начало в Казанской духовной академии совершенно свободная от мистических настроений «тенденция христианского антропологизма, продолженная впоследствии его учеником В.И. Несмеловым» [14, с. 212]. Имплицитно предполагая взаимосвязь патристической и теистической академической традиции в целом, исследователь отмечает их общие начала: «Антропологические духовно-академические интерпретации религиозного сознания, расцвет которых приходится уже на начало XX в., базировались на представлении о человеке как единой телесно-душевно-духовной субстанции» [14, с. 131].

Необходимо отметить, что в контексте разрешения основополагающего для отечественной философско-теистической традиции вопроса о соотношении веры и разума, особого внимания заслуживает позиция профессора В.А. Снегирева, характеризующего материалистическую концепцию как глубоко метафизическую и одновременно контрциентистскую в своем основании. В нашу эпоху, когда идеологическая толерантность возведена в ранг критерия благонадежности, тем более важным представляется дальнейшее изучение опыта религиозно-философского осмысления феномена духовной жизни по существу оппозиционного в отношении к живой конфессиональной традиции, признанной как государствообразующая. Итоги полутора столетий отечественной и всемирной истории секуляризации всех форм общественной жизни, прошедшие со времени появления труда В.А. Снегирева, позволяют нам так или иначе самоопределиться в условиях современного конфессионального многообразия, провести исторические параллели и оценить справедливость и научную достоверность оценок и выводов, сделанных профессором-теистом на основе его наблюдений за жизнью духа. В последующем в смысле наиболее полного исследования многообразия феноменологии духовной жизни с нашей точки зрения особый интерес представляет интерпретация профессором-психологом структуры, природы и характера субъект-объектных отношений, складывающихся в ходе спиритских опытов, их возможные результаты и значимость.

Проведенный анализ философско-антропологических аспектов учения В.А. Снегирева о внутреннем мире человека в контексте религиозно-философской проблематики, затронутой в его работе, посвященной теории и практике спиритизма, позволяет сделать следующие обобщающие **выводы**:

1) В.А. Снегирев обосновывает преемственность спиритизма по отношению к ряду христианских ересей и определяет его как разновидность духовной патологии и как фактическую подмену подлинной духовной жизни ее эрзацем, поскольку согласно идеологии спиритизма, уже довольно скоро метафизическое учение о Боге и духе человеческого должен заменить унифицированный свод правил по общению с миром духовным.

2) В.А. Снегирев дает последовательное обоснование понимания мистического познания как первоначального и базового, непоколебимого и неуничтожимого направления познающего человеческого духа, а рационализм — как производное, вторичное направление, непрочное и временное по своей природе.

3) Анализ В.А. Снегиревым специфики самосознания человека Нового времени, показал его редукцию к данным чувственного опыта, вследствие чего откровение сверхчувственного и таинственного стало казаться доступным каждому просто по законам природы.

4) Рассматривая различные европейские традиции спиритизма, В.А. Снегирев обосновывает их философское понимание как фактической подмены духовного материальным, что по сути, является возвращением к мировоззрению языческого магизма, не смотря на формальное исповедание протестантизма основателями большинства спиритических направлений.

5) В целом феномен спиритизма как «религия духов» и как попытка стать «опытной религией» представляет собой замену традиционной религии библейского Откровения и такую реакцию против рационализма XVIII века, которая достигла своих крайних пределов и парадоксальным образом перешла отчасти в то, против чего была направлена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Д. А. О русском психологе профессоре В. А. Снегиреве // Вестник «В помощь страждущей душе». 2012. [Электронный ресурс] / Официальный сайт «Авдеев Дмитрий Александрович, православный психотерапевт» — Режим доступа: — russkom — psixologe — professore -v.a.snegireve.html (дата обращения 09.10.2017).
2. Бондаренко В. В. Об основных тенденциях в динамике религиозной ситуации Приморья // Социальные и гуманитарные исследования на Дальнем Востоке. № 2 (6). 2005. С. 82–89.
3. Дубова Е. Т. Духовный кризис в современной России и практическая психология // Журнал прикладной психологии. 2000. № 1. С. 29–38.

4. Костригин А. А., Чупров Л. Ф. Место психологии в системе философских наук в трудах русских богословов XIX в. // Наука. Мысль. 2015. № 2. С. 30–34.
5. Несмелов В. И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // Православный собеседник. 1889. № 5. С. 97–154.
6. Печеранский И. П. Единство религиозной веры и положительного знания в «Психологии живой личности» В. Снегирева // Религиоведение. — 2013. № 4. С. 93–100.
7. Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений по психологии. — Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. — 700 с. [Электронный ресурс] / Электронная библиотека «Научное наследие». — Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10077270> (дата обращения 02.10.2017).
8. Снегирев В. А. Спиритизм как религиозно-философская доктрина // Православный собеседник, 1871. Ч. 1. С. 12–41; 279–316.
9. Снегирев Метафизика и философия // Вера и разум. 1890. № 1. С. 28–55. № 3. С. 124–150. № 12. С. 491–504.
10. Стоюхина Н. Ю., Костригин А. А. Методологические аспекты психологии в работах В. А. Снегирева // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 12. 9 с. / [Электронный ресурс] / Электронный научный журнал. — Режим доступа: <http://www.apriori-journal.ru/seria1/2-2013/Stoyuhina-Kostrigin.pdf> (дата обращения 12.10.2017).
11. Стоюхина Н. Ю., Мазилев В. А., Костригин А. А. Вениамин Алексеевич Снегирев: богослов и психолог // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 2. № 3. С. 138–149.
12. Стоянов Ю. А. Гносеологические воззрения В. А. Снегирева // Вече. Альманах русской философии и культуры. 2004. № 16. С. 279–286.
13. Ходзинский П. В. Антропология Аполинария Лаодикийского в трудах В. И. Несмелова // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия 2016. Вып. 1 (63). С. 38–49.
14. Цвык И. В. Духовно-академическая философия в России в XIX в.: Дис. . . д-ра. филос. наук. М., 2002. 373 с.

© Бондаренко Виктория Викторовна (bondarenko.vv@dvcfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет